

В. М. Иллич-Свитыч.

Опыт сравнения ностратических языков
(семитохамитский, картвельский, индоевропейский,
уральский, дравидийский, алтайский).

Введение. Сравнительный словарь (b — ҕ). М., 1971, 369 стр.

Основным отличием книги В. М. Иллич-Свитыча от других (ранее принимавшихся или одновременных с его трудом) опытов внешнего сравнения больших языковых семей Старого Света является исключительная строгость метода, сказавшаяся в тщательности отбора материала (все возможные сомнения и неясности, связанные, в частности, с дескриптивным характером слов или с их изолированным положением внутри одной данной семьи, внимательно отмечены самим автором), глубокой продуманности систем фонологических соответствий и наблюдаемых семантических переходов (для которых в словаре часто указываются параллели из таких хорошо изученных языков, как славянские), полноте предварительной обработки данных внутри каждой из сравниваемых семей. Из разговоров с покойным автором словаря мне известно, что и ограничение самим кругом шести семей определялось теми же требованиями строгости: В. М. Иллич-Свитыч не исключал того, что и некоторые другие языки (как хурритский и урартский, о чем думал еще Педерсен) могут относиться к ностратическим, но он считал необходимым прежде всего строго обосновать ностратическую гипотезу на материале наиболее надежных этимологий в пределах тех 6 семей, сравнительно-исторические грамматики которых достаточно разработаны. Степень его проникновения в детали этих отдельных сравнительных грамматик такова, что специалисты по каждой из них найдут для себя много нового в отдельных статьях словаря.

Труд В. М. Иллич-Свитыча демонстрирует объяснительную силу ностратической теории, показывая, какое количество фактов, оставшихся загадочными в пределах одной данной семьи, разъясняется в ностратической перспективе. Так, оставаясь в рамках индоевропейских сопоставлений, нельзя было бы дать этимологии таких слов, как, например, греч. *θάλασσα* и его македонского соответствия (стр. 216), лит. *didžias* (стр. 219), *angà* (стр. 245), лтш. (из куршского), *diņgt* (стр. 223), слав. *da* (стр. 215) и т. п. Особенного внимания заслуживают те случаи, где в свете ностратических параллелей по-новому освещается семантическая история внутри давно уже известной группы словарных соответствий. Едва ли не самым ярким примером может быть слав. *berg*, значение которого ('брат') оказывается архаизмом, а не инновацией (стр. 176). Несомненным архаизмом с ностратической точки зрения являются и значения слав. *jar-*, соответствующие значениям 'весна, молодые растения, молодой' в других ностратических языках при вторичном значении 'год' во многих других индоевропейских (стр. 37 и VI). Из отдельных семантических деталей индоевропейских соответствий, подтверждающих ностратические реконструкции, заслуживает внимания то, что первоначальное значение 'волк', предлагаемое Иллич-Свитычем на основе уральского и семито-хамитского для ностр. *Küjna* (стр. 361), и отражено в др.-ирл. *cú* 'пес, волк'¹ (в сагах это слово может обозначать чудовище, убивающее скот и людей и угрожающее уладам); в алтайских же языках, как и в японском (заимствовании, ср. разобранные Иллич-Свитычем тунгусо-маньчжурские формы типа **xina > ina inu*², представлено только вторичное значение 'собака' (из 'прирученный волк').

¹ К. Н. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen. — Zfceltph, 26, 3/4, 1957, стр. 186.

² Е. Д. П о л о н о в а. Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 179—180. — Исконное родство японских форм с тунгусо-маньчжурскими исключается по фонетическим причинам.

Особенно убедительные выводы ностратического внешнего сравнения представляются в тех случаях, где они заставляют пересмотреть именно те реконструкции в индоевропеистике, которые уже были поколеблены вновь открытыми данными таких древних языков, как анатолийские и тохарские. В частности, это относится к спирантам Бругмана, вместо допущения которых индоевропеисты на основании данных хеттского и тохарских языков склонялись к принятию метатезы комплекса переднеязычный + заднеязычный. Блестящее подтверждение этому дают ностратические этимологии названий земли (стр. 220) и рыбы (стр. 219). На этих примерах особенно наглядно демонстрируется вторичность структуры индоевропейских основ, вызванной преобразованиями древнего вокализма. Возможно, что далеко идущий пересмотр взглядов на характер первоначального вокализма основ вызовет особые психологические трудности у ученых, привыкших к традиционным представлениям, но именно здесь ностратические сравнения позволяют разрешить те неясности, число которых все умножалось в индоевропейском языкознании.

Из других наиболее наглядных подтверждений значимости ностратических реконструкций для индоевропеистики следует особенно отметить новую трактовку индоевропейских сочетаний фонем **sp-*, **st-* (в частности, такой формой разъясняется неленированное кельт. *s-* в группе слов со значением 'любить, стеречь' в индоевропейском, 'нуждаться, забота' в картвельском, стр. 210; к семантике картвельских слов примыкает и хет. *ištark* 'болеть', где *št-* < и.-е. **st* < ностр. **š*), **sk-*. То, что с ностратической точки зрения эти сочетания восходят к единым фонемам, делает вероятным архаизм их функционирования в роли единых фонем в германском стихе (что согласовалось бы и с другими обнаружениями крайней архаичности германского консонантизма, достаточно близкого к ностратическому, в частности, в соотношениях между смычными согласными).

Благодаря словарю В. М. Иллич-Свитыча индоевропеисты (как и специалисты в области каждой из сравниваемых им 6 семей) получают возможность поиска новых фактов, казалось бы, уже хорошо изученных языках: неожиданно многие явления, на которые при ограничении рамки одной семьи не обращалось должного внимания, оказываются заслуживающими самого внимательного изучения. В качестве одной из многих возможных иллюстраций достаточно указать на такие грамматические статьи словаря, как посвященная форманту *-ci-* фреквентативных и итеративных глаголов. Употребление этого форманта в составе суффиксов глаголов со значением полиперсональности в алтайском (монг. письм. *-čaga-/čege-*, стр. 206) несомненно вызывает необходимость сравнения (хотя бы для выяснения типологии семантического развития этого форманта) с хет. *-šk-* в качестве аффикса, обозначающего полиобъектность. Исследование древнейших индоевропейских синтаксических конструкций может много почерпнуть из предложенного Иллич-Свитычем понимания таких частиц, как та, из которой позднее развивается аугмент, как одновременно проклитик или энклитик (стр. 251). Эта концепция, для славистов теперь достаточно ясная после детального обоснования закона Васильева—Долобоко в статьях В. А. Дыбо, предвосхищала то понимание функционирования проклитик-энклитик в индоевропейском, к которому другие лингвисты пришли уже после смерти Иллич-Свитыча³. Такие глубокие идеи, касающиеся грамматики отдельных сравниваемых семей и их ностратического общего источника, изложены в отдельных словарных статьях с присутствием В. М. Иллич-Свитычу предельным лаконизмом.

Одно из основных впечатлений, остающихся от труда Иллич-Свитыча, как от всякой научной теории первой величины, — ощущение необычайной эстетической завершенности, достигаемое благодаря раскрытию некоторых главных соотношений, лежащих в основе наблюдаемых объектов. Сам автор словаря лучше всего понимал встающие на его пути сложности. Возможность альтернативного объяснения открытых им сходств как заимствований (что,

³ G. J u c q u o i s. Les postpositions du hittite et l'accentuation des préverbes en indo-européen. «Le Museon», LXXXIII, 1970, 3—4, стр. 540.

в частности, по отношению к некоторым из картвельско-индоевропейских сопоставлений предполагается в недавних работах Т. В. Гамкрелидзе) привела Иллич-Свитыча к внимательному изучению позднейших контактов сопоставляемых языков; классическим примером уже стала его статья о семитских заимствованиях в индоевропейском. Из других подобных наблюдений следует отметить проблематичную трактовку сван. *kārāxs* 'рог' как возможного индоевропейского заимствования (стр. 351; возможной кажется такая трактовка — с учетом развития по типу языков *satəm* и по отношению к урал. *šarwo* 'рог', стр. XI и XXXI—XXXII), а также тонкое замечание о миграционном характере таких переднеазиатских терминов, связанных со строительной техникой, как хет. *kuit* 'стена' (стр. 317), ср. явно миграционный характер хет. *pir, parn-* 'дом' и т. п.

Исследователи, которые пойдут по пути ностратических изысканий вслед за В. М. Иллич-Свитычем, многое извлекут из тех мест его книги, где он с присущей ему исключительной научной добросовестностью формулирует вопросы, оставшиеся для него открытыми. Так, остававшееся Иллич-Свитычу неясным соответствие урал. *-k-* в фин. *teke-* и *h* в и.-е. *dheh-* 'класть' (стр. 224, ср. на стр. 267 об урал. *jēyē-*), видимо, может послужить для подтверждения других подобных следов ностратических ларингалльных в уральском⁴. Особенно интересным представляется архаизм спряжения фин. *tehdä* 'делать', где (как и в *nähdä* 'видеть') в 3 л. ед. и мн. ч. обнаруживается *-k-* (*hän teki, he tekivät*), аналогичное рефлексам ларингалльного в позиции перед аффиксом в формах типа лат. *fēcī*.

Следует отметить, что в словарных статьях попутно дается целый ряд кратких комментариев к другим группам слов, семантически пересекающимся с изучаемыми; при всей сжатости этих замечаний и они окажутся неоценимыми для будущих исследований. Так, мимоходом сделанное замечание о древнейшем значении картв. *ser-* (стр. 241) можно подтвердить внешним сравнением с хуррит. *Serri* (имя одного из двух быков бога грозы, соответственно именуемых «Вечер» и «Утро»; чуваш. *šēr* 'ночь', видимо, фонетически несомненно к этой же основе, если не предполагать заимствования из другого языка).

Приведенные разрозненные примеры предназначены лишь для того, чтобы быть иллюстрациями тех опережающих науку на десятилетия перспектив, которые раскрывал в своем труде Иллич-Свитыч. В краткой рецензии нельзя даже упомянуть всех особенностей книги, являющейся одним из высших достижений не только лингвистики, но и вообще гуманитарного знания XX в. Остается пожелать, чтобы и последующие тома этого издания были подготовлены с той же достойной покойного автора тщательностью и добросовестностью, которую при редактировании этого тома проявили его редактор В. А. Дыбо (давший очень ценное дополнение к книге во вступительной статье и составленных им таблицах фонетических соответствий) и помогавшие ему друзья и товарищи Иллич-Свитыча. Выхода следующих томов с нетерпением будут ждать все, кто постепенно увлечется созданной Иллич-Свитычем новой областью языкознания⁵.

Вяч. Вс. Иванов

⁴ Ср. В. Rosenkranz. Zur indo-uralischen Frage. «Istituto Orientale di Napoli. Annali. Sezione linguistica», VII, Roma, 1966, стр. 173—175; J. Bancelowski. Die Suche nach den Uralischen Laryngalen. — LP, XV, 1972.

⁵ К отмеченному выше греч. θάλασσα ср. также: P. Lévy. Grek Thálassa 'mer' < Sanskrit *Tafaka*. 'etang' > Siamois. Tha'lé'mer'. Langues et techniques. Nature et société, I. Paris, 1972, стр. 295—300.